Последние дни П.А. Кропоткина

Александр Моисеевич Атабекян

1921

На меня выпала печальная доля присутствовать неотлучно при Петре Алексеевиче с ночи под 31 января до его кончины и помогать семье и сестре милосердия Е.В. Линд в уходе за больным.

В понедельник 31 января Петр Алексеевич чувствовал себя настолько хорошо, что по поводу укола с укрепляющим лекарством даже заметил: „Не понимаю, от чего меня лечат?“ Температура была нормальная и ничто не предвещало трагический конец.

— От слабости, — ответил я. И действительно, всё внимание лечивших врачей в то время было направлено на укрепление сил и усиление питания.

По поводу предложения, не желает ли рыбы, он вспомнил об одной своей встрече с Тургеневым в Париже и ответил: „Да, хорошо бы поесть рыбы с соусом. Как-то Тургенев угостил меня рыбой с соусом. — Вас, — говорит, учили не есть соус с хлебом. Давайте нарушим это правило. — Поели с хлебом и кусочками рыбы, запили белым вином. Очень вкусно было. Тургенев любил хорошо поесть“.

В этот день вообще он чувствовал себя бодро и делился с окружающими своими мыслями. „Странно, отнялся вчера язык… Думал (ночью) об устройстве анархических коммун, без правительства“… Затем начал со мной оживленную беседу о положении дел в Западной Европе, о том, что „буржуазия глупа“ и не умеет справиться с экономическими затруднениями, о поразительных успехах авиации за последние годы, о которых он прочел в одном английском журнале, случайно доставленном ему.

Боясь утомить больного, я перевел разговор на другой предмет и начал сам рассказывать о житье-бытье в Бутырской тюрьме, из которой незадолго до того был освобожден, о его дмитровских друзьях-кооператорах, которые в то время еще сидели там.

Это была последняя более или менее длительная беседа учителя. После лёгкого завтрака, принятого с аппетитом, Петр Алексеевич заснул и проснулся в 5-ом часу пополудни в сильном ознобе. Температура сразу поднялась до 40,4°. Возобновилось воспаление легкого, сведшее его в могилу. Начался „противный процесс умирания“, как он сам его характеризовал, в словах, обращенных к ухаживавшей за ним сестре милосердия Е.В., за 2–3 дня до своей кончины. На ее вопрос, как он к этому относится, Петр Алексеевич ответил: „Полное равнодушие“.

Но не всё время Петр Алексеевич относился безразлично к надвигавшемуся концу, который он, по-видимому, сознавал. „Хотелось бы еще поработать“, — прошептал он в один из первых дней после возобновления легочного воспаления. Незадолго до кончины он, видя Софью Григорьевну подавленной и печальной, и угадывая ее опасения, с трогательной заботливостью старался успокоить ее, говоря, что не раз уже серьезнее болел „и видишь, выкарабкался же“.

Последние дни своей болезни Петр Алексеевич находился в полузабытьи, из которого окружающие его выводили, чтобы дать ему пищу или лекарство, или же он сам пробуждался, чтобы попросить пить или предупредить осложнения в уходе за собой. Еле в состоянии прошептать несколько слов или шевельнуть руками, Петр Алексеевич не переставал заботиться с присущей ему деликатностью о том, чтобы причинять возможно меньше хлопот и неприятностей окружающим. „Не хорошо“, — говорил он застенчиво во время интимного ухода за ним, даже родным.

Вначале, когда он чувствовал себя сравнительно лучше, сестра. В. поставила на ночной столик звонок и попросила позвонить, если ему что понадобится в минуты ее отлучки. — „Нет, не буду, — ответил он шутливо, — для анархиста и звонок проявление власти“. И действительно, ни разу не прикоснулся к нему.

Вместе с крайней деликатностью к окружающим, тонкий юмор сквозил в его словах, даже когда их приходилось улавливать с трудом из уст умирающего, и его выражения носили неизменно красочный характер.

2-го числа в 3 часа утра больной попросил напиться, и когда я поднес стаканчик, чтобы напоить, он, не доверяя мужской ловкости в уходе за больными предупредительно заметил: „Только не за галстух“. Глотнув немного, он выразил желание, что „предпочел бы горячего чаю“ и с удовольствием выпил небольшую чашку, „как с третьего блюдечка“ (т.е. в пору горячий, пояснил он мне).

3-го числа в 11-ом часу вечера, когда Е.В. готовилась произвести укол предписанного лекарства, Петр Алексеевич заметил: „От женских уколов никакого прока нет“.

Вообще, особенно в первые дни, Петр Алексеевич был довольно чувствителен к подкожным уколам и называл их „докторским хулиганством“, и даже раз стал укорять сестру: „Какая Вы хулиганка стали! У докторов научились!“. И тут же прибавил, чтобы не обидеть ее: „Я знаю, что Вы не со злым умыслом, а по обязанности“.

В другой раз (1-го февраля), когда врач, постоянно пользовавший его, — Сергей Николаевич Ивановский, к которому, кстати сказать, он относился очень дружески и с полным доверием, как к „старому земскому врачу“, — собирался исследовать его Пётр Алексеевич обратился к сестре милосердия с просьбой „защитить от этих варваров“.

Чем ближе надвигалась неизбежная развязка, тем глубже становилось забытье Петра Алексеевича. Софья Григорьевна и Александра Петровна прилагали все усилия, чтобы от времени до времени вывести его из сонливого состояния и уловить момент, чтобы дать ему хоть кое-какую пищу…

Вскоре началась длительная агония.

Так угас в глуши любимой родины великий *интернационалист* и *революционер,* для которого *интернационал* не означал отрицание своей родины, а высшее проявление *революции* заключалось в защите всегда этой родины от всяких насилий.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Моисеевич Атабекян
Последние дни П.А. Кропоткина
1921

Скопированно 24 июля 2018 из http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/P/21-1.htm#3

ru.theanarchistlibrary.org